

Д. и. н.,
профессор СОГУ
В.Д. Дзидзоев

Этнополитические и правовые проблемы стабильного и безопасного развития Северного Кавказа в начале XXI века¹

(историко-этнополитический анализ)

В.Д. Дзидзоев

Республики Северного Кавказа – Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Чеченская республика – Ичкерия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская республика и Карачаево-Черкесская республика – представляют собой наиболее многонациональные субъекты Российской Федерации.

Среди республик Российской Федерации Дагестан по численности населения занимает третье место, где проживает более двух миллионов человек (1,2 % населения России) [1], а чеченцы (численность более 1 млн чел.) являются третьей по численности нацией (после русских и татар) нашей страны [2]. На сравнительно небольшой территории республик Северного Кавказа проживает около 150 наций, в том числе около 50 коренных (автохтонных) наций и этнических групп, со своими традиционными культурами, языками, историческими судьбами и т.д.

Республики Северного Кавказа к началу демократических преобразований в СССР унаследовали от прошлого большие проблемы в экономической и социальной сферах, а также в межнациональных отношениях. Перечислим наиболее серьезные и опасные проблемы региона. **Во-первых**, отсутствие продуманной национальной и федеративной политики. Существовало политическое недоверие к коренным народам Северного Кавказа, которое проявлялось, в частности, в том, что республики и автономные области возглавлялись приезжими из Москвы партийными функционерами.

Именно отсутствием продуманной национальной политики можно объяснить то, что Северный Кавказ развивался в основном по остаточному принципу. Так, например, промышленность Чечено-Ингушетии на 25 % была союзного подчинения [3]. Доходы от добычи и переработки нефти (в 1970 г. было добыто 21,4 млн т нефти, а за весь период советской власти 500 млн т) шли в союзный бюджет [3]. Народу республики от деятельности нефтехимического комплекса досталась загряз-

ненная в экологическом отношении окружающая среда. Социальная инфраструктура оставалась неразвитой, особенно в сельских районах республики. Многие села были без больниц, школ, газа, т.е. без индустрии услуг, которая делает жизнь качественно иной [3]. Аналогичные примеры можно привести почти по всем республикам Северного Кавказа. **Во-вторых**, наличие нерешенных вопросов у репрессированных в годы Великой Отечественной войны народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев) и в то же время постоянное заигрывание союзного (М.С. Горбачев) и федерального (Б.Н. Ельцин) центра с ними. **В-третьих**, стремительное падение уровня жизни основной части населения региона, рост безработицы, наркомании, пьянства, численности бездомных детей, правонарушений и т.д. **В-четвертых**, проблемы разделенных народов (осетин, лезгин, ногайцев и т.д.) и территориальные претензии одних народов к другим. **В-пятых**, безработица и как ее следствие массовое отходничество, спекуляция и рост преступности. Власти официально не признавали существование безработицы, но фактически она существовала во всех республиках Северного Кавказа. Огромная армия отходников (в простонародье получили название «шабашники»), которых власти окрестили «тунеядцами», разъезжающими за «длинным рублем», на самом деле искали в республиках бывшего СССР (в основном в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Казахстане и т.д.) подходящую сезонную работу.

На заработки вместе с родителями выезжало большое количество детей и юношей коренных народов Северного Кавказа. Значительная их часть осталась в бывших советских республиках, которые с 1991 г. стали независимыми государствами. В 90-е годы XX в. бывшие «шабашники» из республик Северного Кавказа, получившие в советские времена постоянную прописку в республиках Средней Азии стали массами возвра-

¹Выступление на «Круглом столе» 31 марта 2005 года в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации.

щаться (многие из них в статусе «беженцев») на историческую родину, создавая немалые проблемы в экономической, общественно-политической, демографической сфере, межнациональной ситуации.

Общественно-политическая обстановка на Северном Кавказе заметно осложнялась требованием ингушей вернуть Пригородный район Северной Осетии под юрисдикцию Чечено-Ингушетии (а впоследствии Республики Ингушетия) и требованием чеченцев-аккинцев вернуть им Новолакский район (до 1944 года Ауховский район, где компактно проживали чеченцы-аккинцы) Дагестана. Ситуация усугублялась тем, что значительная часть населения (осетины, кабардинцы, черкесы, русские, аварцы, лакцы, даргинцы и др.) «добровольно-принудительно» была переселена в 1944–1945 гг. в дома выселенных балкарцев, кабардинцев, чеченцев и ингушей. А в 1957 году когда депортированные народы Северного Кавказа вернулись на историческую родину, «добровольно-принудительно» переселившимся в их дома и прожившим там 13 лет народам (по воле и распоряжению органов государственной власти!) пришлось срочно и принудительно оставлять обжитые дома и возвращаться на новые места. Напомню, что численность таких переселенцев составляла сотни тысяч семей. Все эти проблемы следовало незамедлительно решать. Однако их решение затягивалось, создавая новые проблемы в сфере национальной политики и межнациональных отношений. В начале 90-х годов XX века после распада СССР многие очаги межнациональной напряженности и конфликты из латентного состояния перешли в открытые и стали серьезной угрозой национальной безопасности Российской Федерации на юге страны (осетино-ингушские отношения, перешедшие в недельную межнациональную войну осенью 1992 г., российско-чеченские отношения и первая война федерального центра с Чеченской Республикой в 1994–1996 гг., вооруженное противостояние народов в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и т.д.).

В процессе распада СССР у значительной части населения Северного Кавказа усилился социально-психологический и духовно-нравственный дискомфорт, который, способствовал пробуждению религиозного (в основном исламского) и национального самосознания, появлению и активизации различных национальных и религиозных партий, объединений и движений. Так возникли «Садвал», «Тенглик», «Бирлик», Движение им. Имама Шамиля и др. в Дагестане; Зеленое движение, Исламская партия возрождения, Партия исламский путь и общество «Кавказ», создавшие в 1990–1991 гг. в Чечено-Ингушетии оппозиционный блок «Общенациональное движение чеченского народа» (ОДЧН), с целью реализации идеи «суверенитета Чеченской Республики»; Народный союз «Нийсхо», созданный ингушскими неформалами в Чечено-Ингушетии в

1989 г. с требованием создания Ингушской Республики и включением в ее состав Пригородного района Северной Осетии (до 1944 г. этот район принадлежал ЧИАССР, однако в 1957 г. при восстановлении упраздненной в 1944 г. ЧИАССР последнему вместо Пригородного района были переданы три района из Ставропольского края – Шелковской, Наурский и Каргалинский); «Адыгэ Хасэ», созданный кабардинскими неформалами и «Тере» (Балкарский форум), созданный балкарскими неформалами в начале 90-х годов в Кабардино-Балкарии. Эти и другие национальные и религиозные партии, объединения и движения первоначально возникли на волне демократизации, гласности, перестройки. Определенная часть населения региона возлагала на них надежды на возрождение языков, традиционной культуры своих народов, стабилизацию общественно-политической обстановки и т.д. Однако очень скоро наметилась опасная тенденция к политизации некоторых из них. А по их примеру почти все остальные активно включились в политические процессы, которые бурно, противоречиво и болезненно происходили в республиках Северного Кавказа.

От митингов, собраний и манифестаций они стали переходить к массовым протестам, силовому давлению на органы власти. Поиски разумных компромиссов и взаимопонимания уступили место угрозам и ультиматумам. Многие из них превратились в политическую оппозицию официальной власти. Некоторые из них (кумыкское «Тенглик» в Дагестане, кабардинское «Адыгэ Хасэ» в Кабардино-Балкарии, Общенациональное движение чеченского народа (ОДЧН) в Чечено-Ингушетии и др.) делали попытки брать на себя властные функции, другие (лакское «Кази-Кумух», Национальный совет чеченцев-аккинцев, лезгинское «Садвал» в Дагестане, «Тере» (Балкарский форум) в Кабардино-Балкарии, «Нийсхо» в Чечено-Ингушетии и др.) стремились доминировать в национальных общинах и максимально влиять «в интересах своих народов» на органы власти.

Национальные движения и объединения, пропагандировавшие, как правило, концепцию усиления внутринациональных связей, национально-патриотических чувств (иногда ориентируясь на ущельские принципы и традиции XVIII–XIX веков) стали детонаторами идеи создания на Северном Кавказе новых национально-государственных образований. Так, например, кумыкский «Тенглик» требовал создания новой республики – Кумыкстан, лезгинский «Садвал» добивался провозглашения Республики Лезгистан, а ногайский «Бирлик» – Республики Ногайстан. По замыслу лидеров и идеологов этих национальных движений должны были возникнуть новые автономные республики исключительно по этнонациональному признаку (по формуле «одна нация – одна республика»). Те же требования выдвигались карачаевским «Джамагатом», добивавшимся со-

здания Карачаевской республики на территории Карачаево-Черкесской республики, балкарским «Тере» (Балкарский форум), добивавшимся создания Республики Балкария на территории Кабардино-Балкарии. Однако проблема состояла в том, что вдохновители и идеологи создания новых республик на Северном Кавказе не принимали во внимание ни мнение федерального центра, ни мнение других народов региона, которые веками проживают на этой территории. Оказывая силовое давление на федеральный центр и оппонентов и не считаясь со сложившимися историческими реалиями, лидеры и идеологи национальных, религиозных партий и общественных движений начали создавать очаги острейших межэтнических конфликтов, делить республики по этническому признаку, перекраивать существующие административные границы и даже заявлять «от имени народа» о выходе из состава Российской Федерации. Так, например, лидеры ингушского национального движения «Нийсхо», которых поддерживала часть ингушской интеллигенции 9–10 сентября 1989 года созвали в Грозном II съезд ингушского народа², который выдвинул идею создания отдельной от чеченцев Республики Ингушетия. Фактически съезд заложил мину под Чечено-Ингушской Республикой, выступив инициатором и вдохновителем разделения единой республики и возникновения на ее территории двух национально-государственных образований – Республики Ингушетия и Чеченской республики. Съезд от имени ингушского народа потребовал возвращения Пригородного района Северной Осетии под юрисдикцию будущей Республики Ингушетия (первоначально в документах значилась как Ингушская АССР, затем Ингушская Республика) в составе РСФСР. Съездом была принята резолюция об образовании Ингушской АССР и избран оргкомитет для реализации принятых решений [4]. Организаторы Ингушской АССР столицей своей республики определили правобережную часть города Владикавказ. При этом абсолютно игнорировалось мнение федерального центра, народа и руководства Северной Осетии, столицу которой руководители и идеологи «Нийсхо» решили поделить. Один из лидеров «Нийсхо», главный докладчик на II съезде ингушского народа Б.У. Костоев говорил: «Вторым важным моментом в возрождении Ингушетии является выход ее из состава Чечено-Ингушской АССР, поскольку опыт

убедительно показал, что объединение Ингушетии и Чечни отрицательным образом сказалось на политическом, экономическом и культурном развитии ингушского народа. Ничего хорошего не дало и чеченцам объединение Ингушетии с Чечней, ибо это стеснило их и территориально, и политически, и экономически» [5]. Оставим на совести Б.У. Костоева голословные утверждения о негативных последствиях объединения Чечни и Ингушетии в 30-е годы. Этот вопрос более объективно освещен в исторической литературе [6–9] и нет необходимости в данной статье повторяться. Но нельзя не отметить явную ошибочность другого вывода Б.У. Костоева относительно того, что объединение Чечни с Ингушетией «стеснило» чеченцев «и территориально, и политически и экономически». Такое утверждение не выдерживает элементарной критики, так как территория ЧИАССР в 1957 году стала значительно больше по сравнению с 1944 годом. И сделано это было советским правительством во благо Чечено-Ингушетии за счет присоединенных трех районов Ставропольского края (которые по общей территории в три с лишним раза превышают Пригородный район Северной Осетии). Эти три достаточно плодородных района заметно усилили экономику ЧИАССР. На фоне этих очевидных фактов непонятно каким образом могло произойти «стеснение» чеченцев «и территориально, и политически, и экономически». Таких выводов, не подтвержденных убедительными аргументами и фактами, было немало в выступлениях на II съезде ингушского народа. Автор этих строк уже опровергал отдельные ничем не обоснованные выводы и утверждения делегатов II съезда, накаляющие общественно-политическую обстановку и межнациональные отношения на Северном Кавказе [10–15]. Заметим, чтовольная интерпретация важнейших событий и фактов истории народов Северного Кавказа, как и других народов Российской Федерации очень часто оказывает «необходимое» воздействие на умы и настроения определенной части общества, формируя общественное мнение в заданном направлении. Основной докладчик на II съезде ингушского народа доказывал необходимость и обоснованность образования «Ингушской АССР с административным центром в правобережной части города Орджоникидзе (ныне Владикавказ. – В.Дз.)» [16]. Он утверждал, что для нормального, как в 20-х годах, развития Ингушетии необходи-

² Первый съезд ингушского народа состоялся в 1919 г. в Назрани, где его участники (точное число их не установлено) по инициативе Г.К.Орджоникидзе и других большевиков от имени ингушского народа объявили о своей приверженности советской власти. Отметим, что в условиях гражданской войны, общественно-политического хаоса большевики широко использовали институт национальных (народных) съездов народов Кавказа и его решения для захвата власти.

Организаторы II съезда ингушского народа, возродив институт национальных съездов как форму демократии, использовали его в качестве инструмента борьбы за власть и создания Республики Ингушетия. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование) (Второе издание). Владикавказ, 2004 и др.

мо, чтобы ее политическим, экономическим, административным и культурным центром, соответственно исторической принадлежности и географическому положению, вновь стала правобережная часть города Орджоникидзе» [16]. Съезд активно поддержал эту идею. При этом никто из организаторов и участников съезда не поинтересовался мнением федерального центра и народа Северной Осетии. Все это подводило сложную обстановку к межнациональной войне между ингушами и осетинами, которая началась 31 октября 1992 года.

Председателем оргкомитета для реализации принятых II съездом ингушского народа решений стал лидер «Нийсхо» Иса Кодзоев, который вскоре был отстранен от этой должности. Члены оргкомитета избрали новым председателем доктора юридических наук Бексултана Сейнароева. Следует подчеркнуть, что ингушское национальное движение разделилось на две части: 1) партию «Нийсхо», представлявшую интересы социальных низов Ингушетии; 2) умеренных сторонников создания Ингушской АССР.

Решения II съезда ингушского народа способствовали не только обострению осетино-ингушских отношений, но и распаду единой Чечено-Ингушской республики. Большой знаток истории и культуры Чечено-Ингушетии, профессор Дж.Гакаев по этому поводу пишет: «Если говорить о политических последствиях решения II съезда ингушского народа, то оно консолидировало не народ, а политическую элиту ингушей в их борьбе за власть. Более того организаторы съезда вольно или невольно подорвали веру в идею вайнахского (чечено-ингушского. – *В.Дз.*) единства, подтолкнули рвущихся к власти чеченских национал-радикалов к проведению съезда чеченского народа. Ингушский, а затем и Чеченский национальные съезды искусственно подогрели чувства отчуждения, недоверия между чеченцами и ингушами и – как итог – привели к неправомерному (без волеизъявления народов ЧИР) упразднению Чечено-Ингушской АССР» [3, с. 141]. Нам представляется этот вывод очень верным. Парадокс в том, что общественные организации («Нийсхо», съезд ингушского народа) брали на себя смелость принимать судьбоносные решения, не учитывая многие объективные обстоятельства, мнение сотен тысяч людей разных национальностей, от имени которых выступали. А законно избранные органы власти Чечено-Ингушской АССР и РСФСР «возмущались», «протестовали», но решительных мер не принимали для пресечения политических авантур. В итоге создавалась серьезная угроза национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе.

С конца 80-х годов в Грозном возникла общественная организация «Союз содействия перестройке», преобразованная в Народный фронт ЧИАССР во главе с Х.-А.Бисултановым. Социальной базой Народного фронта стали беднейшие слои чеченского общества. В

противовес ему был создан Народный фронт содействия перестройке во главе с Л.Салиговым. В 1988–1990 гг. Народный фронт Хож-Ахмеда Бисултанова справедливо считался наиболее влиятельной оппозиционной общественной организацией в Чечено-Ингушетии. К осени 1990 г. Народный фронт распался, а на политической арене республики появилась новая оппозиционная общественная организация «Барт» («Согласие»), издававший одноименный бюллетень.

В мае 1990 г. лидеры «Барт» З. Яндарбиев, Л. Усманов, М. Темишев и другие учредили Вайнахскую демократическую партию (ВДП), которая заявила о желании стать «цивилизованной оппозицией» и осуждала действия «экстремистов» из Народного фронта. Однако с 1990 г. ВДП, сменив курс, стала самой «революционной» партией, которая добивалась отставки партийно-советского руководства республики во главе с Д.Г. Завгаевым.

Справедливости ради отметим, что вначале лидеры ВДП на словах придерживались демократических принципов и ценностей (повысить статус ЧИАССР как равноправного субъекта обновленного СССР, больше внимания уделять традиционной культуре чеченцев и ингушей и т.д.), но фактически новая партия стала, по мнению чечено-ингушских исследователей, «организацией крайне экстремистского толка» [17, 3, с. 143].

В 1990 г. в Грозном возник оргкомитет по созыву съезда чеченского народа (в определенном смысле это был «ответный ход чеченцев» на решения II съезда ингушского народа). В его состав вошли представители чеченской интеллигенции – профессора Я. Ахмадов, К. Чакаев, писатели А. Сулейманов, А. Айдамиров и др. Идею созыва съезда поддержал и руководитель республики Д.Г. Завгаев и он состоялся 23–25 ноября 1990 г. В качестве почетного гостя на съезде присутствовал и генерал-майор Вооруженных Сил СССР Джохар Дудаев, первый чеченец, ставший советским генералом. Основной идеей съезда стало обоснование суверенитета Чечни. На съезде много говорили о государственной независимости Чечни. От имени чеченского народа съезд декларировал государственный суверенитет Чеченской Республики Нохчи-Чоь [3, с. 143]. Парадокс и здесь состоял в том, что общественная организация, т.е. съезд чеченского народа, по примеру II съезда ингушского народа приняла декларацию о государственном суверенитете, о выходе субъекта федерации из состава РСФСР. Отметим, что декларация юридической силы не имела, но тем не менее стала сильнейшим аргументом в руках националистов и сепаратистов Чечни, которые оказывали давление на Верховный Совет ЧИАССР. 27 ноября 1990 года Верховный Совет ЧИАССР под председательством Д.Г. Завгаева принял Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики (ЧИР). Отныне Чечено-Ингушская рес-

публика объявлялась «суверенным государством», которое будет подписывать союзный и федеративный договоры на равноправной основе (как союзная республика) [18; 3, с. 144;19]. Парадокс состоял в том, что декларация обходила упоминания о РСФСР и СССР (лишь в статье 10 говорится об осуждении «геноцида в отношении чеченцев и ингушей и других народов СССР») из состава которых «вышла» Чечено-Ингушская республика, за которой «признавались» атрибуты независимого государства [20].

Здесь следует обратить особое внимание на позицию ингушских депутатов Верховного Совета ЧИР. Они выдвинули условие, согласно которому Грозный подпишет договоры с союзным и федеральным центрами только после возвращения под юрисдикцию ЧИР Пригородного района Северной Осетии. Ингушские депутаты настаивали, чтобы Верховный Совет республики таким образом заставил немедленно выполнить Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (статьи 3 и 6) в части территориальной реабилитации. Профессор Дж.Дж. Гакаев по этому вопросу пишет: «С этого момента Завгаев и его Верховный Совет начали рискованную многокомбинационную политическую игру. Суть ее – использовать возникшие противоречия между горбачевским союзным центром и новым российским руководством, с целью решения своих стратегических и тактических задач» [3, с. 144].

В 1990 г. в ЧИР большое влияние имела еще одна общественная организация – Конфедерация народов Кавказа (КНК), которая пропагандировала идею создания независимого государства горских народов Кавказа по образцу «независимой» Горской Республики 1918–1920 гг.

С весны 1991 г. большую общественно-политическую силу в ЧИР начал набирать Исполком чеченского съезда. Дж. Дудаев, избранный председателем Исполкома, взял курс на конфронтацию с властью во главе с Д. Завгаевым. В республике крайне обострились межнациональные отношения и как ее следствие началась волна миграции русскоязычного населения. Русские и представители других народов спешно покидали Чечено-Ингушетию, которую неформальные лидеры титульных наций поделили и повели дело к преднамеренной конфронтации с федеральным центром. С каждым днем все более обострялась обстановка на границе с Северной Осетией, Ставропольским краем и Дагестаном. Так, например, лидеры «Нийсхо» развернули массированную агитацию среди ингушей «идти мирным походом на Владикавказ», где они, по-прежнему, видели столицу будущей Ингушской АССР. Эту акцию, названную профессором Дж.Дж.Гакаевым «провокационной» [3, с. 146], власти ЧИР не только не пресекали, но и активно поддерживали. Отметим, что «мирный подход» не состоялся, но провокация лидеров «Нийсхо» сдела-

ла свое дело, – осетино-ингушские отношения еще более накалились, а в Пригородном районе Северной Осетии и Владикавказе ввели чрезвычайное положение.

Ставропольский край и Дагестан также испытывали большое негативное влияние происходивших в ЧИР политических процессов. Заметно обострились ингушко-казачьи взаимоотношения в Сунженском районе ЧИР. 7 апреля 1991 г. был убит атаман Сунженского казачьего отдела А.И.Подколзина, а 28 апреля в станице Троицкой в результате вооруженной стычки между казаками и ингушами погибло 5 казаков и 3 ингуша. Казачье население Сунженского, Наурского, Шелковского (в 1962 г. к Шелковскому присоединили Каргалинский район) районов, а также Грозного стало активно требовать передачи Наурского и Шелковского районов Чечено-Ингушетии Ставропольскому краю. Такие требования поддерживали казачьи отделы русскоязычных районов ЧИР, возникшие в 1990 году. В ответ на это чечено-ингушские национал-патриоты, партии и движения выступили не только с критикой, но и угрозами в адрес казачьего движения и казаков. Очередной виток межнациональной напряженности еще более усилил отток русскоязычного населения из ЧИР [17, с. 38].

Происходившие события активизировали деятельность наиболее «революционной» оппозиции во главе с Дж. Дудаевым. 8-9 июня 1991 г. состоялась 2-я сессия чеченского народа (переименованного в Общенациональный конгресс чеченского народа – ОКЧН), объявившая о низложении полномочий Верховного Совета ЧИР и о провозглашении суверенной Чеченской Республики «Нохчи-Чоь», не входящей ни в Россию, ни в СССР [3, с. 147]. Временным органом власти на территории «Нохчи-Чоь» объявлялся исполком ОКЧН [3, с. 147]. А далее уже ни в Грозном, ни в Москве никто не мог остановить Дж. Дудаева и его сторонников. Они захватили власть и начали создавать независимую Чеченскую Республику, не считаясь ни с мнением федерального центра (с помощью которого стал возможным чеченский кризис), ни с мнением многонационального народа республики (не был проведен референдум по этому вопросу). В отечественной правовой и историко-политологической литературе причины, ход, особенности и последствия российско-чеченского противостояния, в том числе и двух российско-чеченских войн (в 1994–1996 гг. и 1999–2002 гг.) усилиями ученых исследователей освещены в целом объективно [3, 21–27].

Отдельные вопросы этого противостояния еще ждут своего объективного исследователя. Но цель данной статьи – не только и всестороннем анализе российско-чеченского противостояния (тема слишком глобальная для одной статьи), а в попытке объективного анализа и других очагов этнополитической напряженности на Северном Кавказе. Конечно, среди них главное место,

бесспорно, занимает до сих пор Чеченская Республика, ее взаимоотношения с соседними народами и федеральным центром. Однако были и остаются другие «менее заметные» очаги напряженности, которые следует, на наш взгляд, scrupulously изучить и извлечь уроки на будущее.

В начале 90-х годов, как уже подчеркивалось выше, национальные движения кумыков («Тенглик»), лезгин («Садвал») ногойцев («Бирлик»), балкарцев («Тере» (Балкарский форум)), карачаевцев («Джамагат») требовали создания новых республик на Северном Кавказе.

Требования национальных движений о создании новых республик на Северном Кавказе создавали взрывоопасную этнополитическую обстановку в сложном и проблемном регионе Российской Федерации. В Дагестане против требований национальных движений кумыков, лезгин, ногойцев выступили остальные народы. На этой почве возникли острые этнополитические конфликты: длительное противостояние аварцев и чеченцев в сел. Ленинаул с образованием палаточного поселка на почве территориальных претензий (1991 год, в регионе было объявлено чрезвычайное положение), противостояние между кумыками и даргинцами в сел. Костек на почве землепользования (1992 год, в селе было объявлено чрезвычайное положение), длительная забастовка кумыкского населения в Хасавюртовской зоне с требованием отставки руководства правоохранительных органов и голодовка кумыкских женщин на центральной площади Махачкалы (1992 год) [28].

Опасные этнополитические конфликты имели место в Дербенте между лезгинами и азербайджанцами, в Кизляре между казаками и национальными движениями горцев, в Кизилюрте между аварским национальным движением и правоохранительными органами [28], в Нальчике между кабардинцами и балкарцами (1991–1992 гг.), в Карачаевске и Черкесске между карачаевцами и черкесами, а также между карачаевцами и казаками (1992 г.). Натянутые отношения между осетинами и ингушами, в которых некоторые неформальные лидеры и общественные организации Ингушетии сыграли крайне негативную роль, переросли в недельную межнациональную войну (31 октября – 6 ноября) в 1992 г., начатую ингушскими национал-экстремистами.

Вооруженному нападению на Северную Осетию (беспрецедентный до 1992 г. случай, когда один субъект федерации развязал кровавую бойню против другого) предшествовала морально-психологическая и идеологическая обработка населения Ингушетии, где не гнушались всевозможными выпадами, откровенными обвинениями осетин и руководства Северной Осетии во всех бедах ингушского народа. Лидеры и активисты «Нийсхо» призывали к немедленному возвра-

щению Пригородного района Северной Осетии и правобережной части Владикавказа под юрисдикцию Чечено-Ингушетии (а после ее распада – под юрисдикцию Ингушетии). При этом снова игнорировалось мнение федерального центра, Конституции Российской Федерации и Северной Осетии, которые категорически не допускают насильственной перекройки существующих административно-территориальных границ. Следует обратить внимание и на то, что в формировании антиосетинской агрессивной идеологии, в создании образа врага из осетин заметную роль играли депутаты-ингуши всех уровней. Среди депутатов-ингушей были такие, которые готовили население Ингушетии к будущим погромам, вооруженным акциям против осетин и Северной Осетии, разжигали межнациональную рознь. Они своими заявлениями и прямыми угрозами в адрес осетин держали Северную Осетию в постоянном психологическом напряжении. Так, например, народный депутат Верховного Совета СССР М.Ю. Дарсигов на четвертой сессии Верховного Совета 10 сентября 1990 года говорил: «Я обращаюсь к вам от имени ингушского народа. Поверьте мне, что у нас народ терпеливый, он терпит. Но нам деваться некуда. Или, может быть, пойти войной? Иначе нам ничего не остается делать...» [29]. Как видим, народный избранник с одной стороны нагнетал обстановку, с другой достаточно четко говорил о возможной войне с «появляющимися врагами», т.е. осетинами. Еще более агрессивные и воинственные заявления против осетин и Северной Осетии делал один из неформальных лидеров Ингушетии в начале 90-х годов, народный депутат РСФСР от ингушского народа Б.Б. Богатырев. На первом съезде народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 года, т.е. за 2,5 года до нападения ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию, он заявил: «Где же должна быть столица Ингушской АССР? По мнению ингушского народа и всех народов Кавказа, за исключением, безусловно, руководителей Северной Осетии, – в правобережной части города Орджоникидзе, города, который основан ингушами 3,5 тысячи лет тому назад» [30, 31]. Народный депутат прекрасно понимал, что 3,5 тысячи лет тому назад ингуши не строили города, а Владикавказ был построен в 1784 г. царскими войсками, как русская крепость. Не было оснований у Б.Б. Богатырева выступать и от имени «всех народов Кавказа», которые «мечтают видеть» столицу Ингушетии в «правобережной части города Орджоникидзе». Для выяснения мнения «всех народов Кавказа», включая и Ингушетию, нужно было провести референдум, которого не было. Но Б.Б. Богатырева и ему подобных лидеров Ингушетии мало волновали такие очевидные факты, с которыми необходимо считаться. Они фактически призывали народ

Ингушетии к вооруженному захвату территории Пригородного района Северной Осетии и правобережной части Владикавказа. В 1991 году два неформальных лидера Ингушетии Б.Богатырев и Б.Сейнароев в беседе с корреспондентом газеты «Северный Кавказ» заявили: «Теперь правительство Северной Осетии, не ожидая соответствующих решений России, должно вернуть ингушами их исконные земли – правобережную часть Владикавказа и Пригородный район... Теперь ни о каких переговорах не может быть и речи, в том числе о решении ингушско-осетинской проблемы... Осетин не поддержит ни один кавказский народ, потому что правда на нашей стороне. И никакая национальная гвардия не спасет. Неужели осетины серьезно думают, что мы выстроимся на границе и пойдем в атаку? Будет совсем другая тактика (ведения боевых действий против осетин. – *В.Дз.*)... На Кавказе хорошо известно: если ингуш вынул кинжал из ножен, просто так он его уже назад не вложит» [32]. Обращаю внимание на то, что предупреждения и угрозы народного депутата РСФСР в полной мере были приведены в действие, когда вооруженные до зубов ингушские национал-экстремисты 31 октября 1992 г. напали на Северную Осетию с целью насильственного (антиконституционного) отторжения от республики Пригородного района и правобережной части Владикавказа, где экстремистская и вооруженная часть ингушского общества по прежнему видела столицу Ингушской АССР. Даже один из самых авторитетных ингушских писателей И.М.Базоркин свое обращение к ингушскому народу закончил словами: «Ингушская автономия с центром в городе Владикавказе возродится!» [33]. Таким образом, авторитетные в ингушском обществе национальные лидеры, среди которых были ученые, писатели, публицисты, журналисты и т.д., давно и настойчиво готовили ингушей к вооруженным акциям против осетин, создавая из последних образ врага – идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить агрессивное политическое поведение в условиях общественно-политического, межнационального кризиса в стране. Итогом бессмысленной недельной межнациональной войны стали сотни погибших и пропавших без вести, тысячи раненных и искалеченных с обеих сторон, десятки тысяч беженцев-ингушей.

Этнополитические конфликты в 90-е годы способствовали возрастанию оттока русских и русскоязычных из республик Северного Кавказа. Этому негативному процессу способствовали также спад производства и давление различных мафиозно-криминальных группировок, боровшихся за сферы влияния и власть.

После распада СССР существенно изменилось геополитическое положение Северного Кавказа. Многие

коренные народы региона (например, осетины, лезгины, аварцы, балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы и др.) отдалены от своих этнических братьев (южных осетин, проживающих в непризнанной Республике Южная Осетия и в Грузии, аварцев, проживающих в Грузии, лезгин, проживающих в Азербайджане, балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев, проживающих в Казахстане и Киргизии) государственной границей Российской Федерации. Кроме того, некоторые северокавказские народы (например, даргинцы, кумыки, лакцы, аварцы, ногойцы, осетины, ингуши, чеченцы и др.) отдалены от своих этнических братьев административно-территориальными границами. Так, например, несколько десятков тысяч осетин проживает в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставрополе, Москве и т.д. Десятки тысяч ингушей и более 10 тысяч кумыков проживает в Северной Осетии. Десятки тысяч даргинцев, аварцев и других народов Дагестана проживает в Ставропольском крае и т.д.

Дагестан и Северная Осетия с 1991 г. стали приграничными республиками Российской Федерации, имеющими общую границу с шестью независимыми государствами (в некоторых из них общественно-политическая, межнациональная обстановка достаточно сильно накалена. Дагестан граничит с Азербайджаном, Грузией (по суше), Казахстаном, Туркменией и Ираном (по Каспийскому морю). Северная Осетия граничит с Грузией (по суше). Добавим к этому, что Российская Федерация вытесняется с азербайджанского рынка, который с большой пользой для себя осваивают Иран и Турция.

Необходимо учитывать геостратегическое значение Северного Кавказа. Республики Северного Кавказа, особенно Дагестан и Северная Осетия могли бы играть более заметную и эффективную роль в развитии взаимовыгодных экономических отношений Российской Федерации с Грузией, Арменией, Азербайджаном, а также странами Среднего и Ближнего Востока. Дагестан может сыграть большую роль в решении проблем Российской Федерации по использованию природных ресурсов Каспийского моря. Дагестан, имеющий более 400 километров прибрежной зоны мог бы с помощью федерального центра подключиться активнее к разработкам запасов нефти и газа в акватории Каспийского бассейна.

В нынешних условиях, когда федеральный центр должен, на наш взгляд, во-первых, укреплять единство Российской Федерации на демократических началах, и, во-вторых, утвердить равноправные отношения между всеми народами страны, необходимо проводить более эффективную национальную и федеративную политику, которая бы максимально учитывала ошибки прошлого.

(Окончание следует.)

²⁹ *Северный Кавказ*, 1991, 22 июля.

³⁰ *Путь Ленина*, 1990, 1 февраля.